

Ф. ВИНКЕЛЬМАН

ПОЛОЖЕНИЕ ЕГИПТА В ВОСТОЧНОРИМСКОЙ (ВИЗАНТИЙСКОЙ) ИМПЕРИИ *

«В том, что касается Египта, — пишет Джеймс Кинен по поводу социальной обстановки в византийском Египте, — следовало бы повременить с общими утверждениями до тех пор, пока из „обрывков и клочков папирусов“ не будут извлечены все детали; лишь упорядочив и проанализировав их, можно будет поставить вопрос о социальной мобильности в поздне римском Египте на фоне общих социальных условий в Поздней Римской империи в целом»¹. Это предостережение вполне справедливо, особенно в отношении коптского материала. Придерживаясь того же мнения, я буду касаться некоторых общих вопросов очень кратко и со всей осторожностью и прежде всего рассматривать те проблемы, в которых общие положения могут быть более или менее твердо обоснованы.

Предлагаемая работа представляет точку зрения византиниста и историка церкви. Коптолог, вероятно, подошел бы ко многим вопросам иначе, воспользовавшись также и другим материалом. Однако и наш византиноведческий подход к проблеме «Греки и египтяне» достаточно обоснован. С одной стороны, эта проблема уводит далеко за пределы Египта, составляя звено общей цепи экономических, культурных и политических проблем, встававших перед Восточной Римской империей в связи с ее провинциями. С другой стороны, по времени эта проблема уводит далеко назад; обращаясь к грекам и коптам в Византии, мы застаем только конечную стадию длительного политического и культурного развития.

1

Восточноримская (ранневизантийская) империя выказала себя наследницей Рима также и в своем отношении к Египту. Здесь мне кажутся особенно важными три аспекта. 1. Страна рассматривалась прежде всего как поставщик зерна для Рима и позднее для Константинополя. Этой задаче были подчинены все мероприятия по управлению страной вплоть до XIII Эдикта Юстиниана 538/39 г.² 2. Культура Египта не интересовала ни Рим, ни Константинополь. Коптский крестьянин рассматривался только как рабочая сила, и никаких попыток к интеграции поэтому не предпринималось. Опасность подобного отношения заключалась в том, что важные элементы внутреннего развития Египта оставались незамеченными, предубеждение не позволяло судить о них верно. 3. Следствием этого было усиление в самом Египте стремления замкнуться в кругу собственных

* Доклад, прочитанный на пятой рабочей конференции коптологов 25—27 мая 1983 г. в Галле-Заале.

¹ Zeitschrift für Papyrol. u. Epigr., 1975, 17, S. 250.

² СИС, III / Hrsg. v. R. Schoell, G. Kroll. 6. Aufl. B., 1954, S. 780—795. Ср.: Rowland G. L'administration civile de l'Égypte byzantine. 2. Aufl. P., 1928, p. 26—47; Gelzer M. Studien zur byzantinischen Verwaltung Agyptens. Leipzig, 1909, S. 22 f.; Byzantinoslavica, 1979, 40, S. 178, Anm. 111.

культурных традиций. Все сильнее становилась ориентация на внутриегипетских властителей и на внутренние отношения.

В то же самое время общая восточноримская ситуация определялась следующими тремя основными факторами. 1. Основание нового государственного центра в Восточном Средиземноморье, т. е. появление соперницы Антиохии и Александрии. С этим было связано и усиление греческого влияния в Восточноримской империи. 2. Связь Египта с восточноримским способом перехода от античной, рабовладельческой общественной формации к феодализму. Однако во время одного из самых глубоких спадов этого процесса, т. е. в VII в., развитие Египта в этом направлении пресеклось. 3. Тесная взаимосвязь государства с христианством.

Из перечисленных характеристик возникают некоторые важные новые аспекты. 1. Для государства управление Египтом затрудняла конкуренция там трех родов (faktoren) власти, а именно: византийского управления, крупных землевладельцев и клира, который с V в. раскололся на враждебные лагеря. 2. Теологические разногласия, в которых Александрийский патриарх играл важную, порой определяющую роль, оказывали весьма существенное влияние на внутреннюю политику ранней Византии. 3. В духовной сфере воздействие Египта на культуру Византии, а затем и Западной Европы было очень сильным и долговременным. Причем философской и теологическое влияние было прежде всего александрийским, т. е. по большей части греческим. Иначе обстояло дело с монашеством: здесь огромную роль играло строгое коптское благочестие. Оно во многом определило характер «Vita religiosa», а тем самым и в целом «Vita integra» как восточного, так и латинского христианского мира — наряду с сирийскими, палестинскими и другими влияниями. Впрочем, применительно к Египту ни в одной из названных областей невозможно четко разделить коптские, греческие и иудейские воздействия. 4. Внутрицерковная необходимость настоятельно требовала оформления коптского языка в литературный язык. С этим было связано также усиление коптской интеграции, процесс эмансипации, которому византийское правительство уделяло недостаточно внимания; в VI в. в нем участвовала уже египетская знать, которая еще в V в. ориентировалась на Константинополь и греческую культуру³.

2

Еще в 1981 г. К. Д. Г. Мюллер писал: «Действительно, ко времени арабского вторжения можно говорить о народной церкви. За вычетом греков (в самом широком смысле), которые были мелькитами, за вычетом небольших групп, еще исповедовавших древнеегипетскую религию, всякий подлинный египтянин-копт являлся членом коптской церкви». В середине VI в. «в Египте начинаются преследования диплофиситов, которые ни в чем не уступали прежним гонениям на христиан и надолго созидали в стране невыносимую атмосферу».

Византия и мелькитская церковь правят в Египте отныне и вплоть до арабского вторжения практически только силой оружия. Духовные мосты между ними и коптами сломаны окончательно. . . С 631 г. у власти стоял грозный Кир — мелькитский патриарх и одновременно префект Египта. . . Каждый египтянин надеялся на освобождение от византийского ига. Так что арабскому полководцу оставалось только взять яблоко, упавшее ему в руки»⁴.

³ Каждый из этих пунктов требует уточнения и разъяснения, за которыми я могу отослать читателя только к моим собственным двум работам: «Некоторые замечания к оценке роли монофиситства в Египте в послеегипетскую эпоху». — ВВ, 1978, 39, с. 86—92; «Ägypten und Byzanz vor der arabischen Eroberung». — Byzantinoslavica, 1979, 40, p. 161—182. К сожалению, в работе: Moorhead J. The Monophysite Response to the Arab Invasion. — Byz., 1981, 51, p. 579—591 — автор не касается данного вопроса.

⁴ Müller C. D. G. Geschichte der orientalischen Nationalkirchen. Göttingen, 1981, S. 320, 329, 330.

К счастью, теперь источники позволяют нам нарисовать значительно более дифференцированную картину, и дальнейшие издания коптских источников позволят, вероятно, уточнить ее.

1. Прежде всего следует указать на сочинение Иоанна Никиусского. По нему можно проследить различное отношение к Византии в зависимости от использованных автором источников разного происхождения⁵. Житие мелькитского патриарха Иоанна Милостивого (610—619), составленное Леонтием Неаполитанским (ВНГ, 886), и сообщения, дошедшие через Никиту августила, свидетельствуют о хороших взаимоотношениях с коптами. Более того, сам Никита играл значительную роль в преодолении раскола между монофиситами Сирии и Египта.

Опираясь на не привлекавшиеся до сих пор к исследованию этой проблемы арабские исторические источники, В. Э. Кеги-младший высказал недавно новую точку зрения на борьбу между византийцами и арабами за Сирию и Палестину: «Христологические расхождения не влияли на эффективность византийского сопротивления (арабам). Армянские и христианские арабские войска Иракия были по преимуществу монофиситскими, однако их религиозная принадлежность, насколько можно судить по сохранившимся источникам, никоим образом не влияла на их военную деятельность. Их окончательное разъединение не может быть объяснено религиозными мотивами. Многие монофиситы отдавали свою жизнь, сражаясь за Византию. Правда, окраинное население Сирии и Месопотамии было, по всей вероятности, довольно пассивно, однако оно ведь вообще не привлекалось к военным действиям. Так что поражение византийцев не может быть объяснено борьбой христианских сект»⁶.

Можно ли сделать такое же заключение и в отношении коптских монофиситов? В 1950 г. Г. Лудин Янсен опубликовал коптское «Повествование о Камбисе»⁷. Лесли С. В. Маккул дал ему недавно важную для нас интерпретацию. Автор, согласно Маккулу, был сирийским монахом, жил в скиту и написал свое сочинение около 630—640 гг. «Он сочинил сказку-предостережение для монофиситского населения, изобразив Камбиса жестоким злодеем, чтобы напомнить о реально существующей опасности — Халифе Умаре... Эта притча была призывом к египтянам, и этот громкий призыв мог быть услышан как халкидонитами, так и их нехалкидонскими соотечественниками... то был вопль предостережения перед лицом неслышанного вторжения... Этот писатель Ираклиевой эпохи сознавал, что второй раз такое вторжение (как при персидской оккупации. — Ф. В.) будет смертельным»⁸. Эта интерпретация кажется мне обоснованной, поскольку есть и другие свидетельства, ее подтверждающие.

Еще с конца прошлого века известен так называемый «Апокалипсис Псевдо-Мефодия», который использовал М. Кмоско, исследовавший настроения VII в.⁹ Здесь была по-новому интерпретирована известная из «Видений Даниила» аллюзия на Псалом 68, 32-LXX 67, 32¹⁰ как свидетельство ориентации не на Эфиопию, а на Византию¹¹. П. Аликсандер

⁵ Ср.: Byzantinoslavica, 1979, 40, p. 163 sq.

⁶ Kaegi W. E. Heraklios and the Arabs. — The Greek Orthodox Theological Review, 1982, 27, p. 127.

⁷ The Coptic Story of Cambyses' Invasion of Egypt. A Critical Analysis. Oslo, 1950, p. 2.

⁸ Gr. Rom. and Byz. Stud., 1982, 23, S. 187 f. Эта гипотеза была подвергнута сомнению в дискуссии, последовавшей за докладом. Ласло Какоши (Будапешт) указал в данном тексте более древние языковые элементы. По этому вопросу я не могу позволить себе высказать обоснованное суждение.

⁹ Издания греческого текста см.: Истрин В. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. М., 1897; Sackur E. Sibyllinische Texte und Forschungen. Halle, 1898; Kmosko M. Das Rätsel des Pseudomethodios. — Byz., 1934, 6, S. 273—296.

¹⁰ Ср.: Васильев А. А. Anecdota Graeco-Byzantina. М., 1893, p. 33—38. Новое издание: Schmoldt H. Die Schrift «Vom jungen Daniel und Daniels letzte Vision». Diss. theol. Hamburg, 1972, S. 220—237.

¹¹ Новое издание греческого текста см.: Lolos A. Die Apokalypse des Pseudo-Methodios. Meisenheim am Glan, 1976. О рукописной традиции, датировке, проблема-

затем счел возможным приписать этот текст с явно выраженной в нем провизантийской тенденцией сирийскому монофиситу, писавшему между 644 и 678 гг.¹²

С. П. Брок, основываясь на еще не изданном оригинальном сирийском тексте, принял более позднюю датировку (около 692 г.) и локализацию в Месопотамии¹³. В таком случае «Апокалипсис» не входит в сферу исследования нашей проблемы. Однако в нем проявляются с большой отчетливостью круг идей и духовные установки, не ограничивающиеся только Месопотамией, но игравшие большую роль также и для египетских монофиситов. Это подтверждает и упомянутое выше «Повествование о Камбисе».

Еще один очень важный текст был недавно издан Тито Орланди (первое полное и достоверное издание), переведен Биргером А. Пирсоном на английский язык и прокомментирован Гарольдом А. Дрейком. Речь идет о коптском житии Константина и Евдоксии — тексте монофиситского происхождения, написанном около середины VII в.¹⁴

По моему мнению, он возник до арабского завоевания Египта и после победы Ираклия над персами. Византия и Египет в нем тесно связаны. Так, например, архангел Михаил приказывает Константину I призвать 72 святых из Египта, которые должны крестить его и наставить в вере (§ 18, р. 42, 1—4). С другой стороны, Константинополь называется «Святым городом» (§ 22, р. 44, 6). Общий духовный фон этого и всех прежде упоминавшихся текстов — апокалиптика того времени. Он проявляется, например, в гимне, который в этом житии монофиситский патриарх Иерусалима велит спеть Теофилу:

«Вот слава Иисуса, которою мы облечены будем.

Враги наши, ненавидящие его, не узрят его,

и не восславятся его славою.

Но праведный царь (Константин I) и дева

(Евдоксия) облечутся ею.

Народы и язычники собираются и приветствуют его,

а Израиль не любил его и не держал с ним союза.

О господи, благослови царя и народ его»

(§ 97, р. 76, 25—78, 2).

В противоположность Дрейку я не нахожу здесь связи с «Апокалипсисом Даниила и Псевдо-Мефодия»: их аргументация строится на основе Псалма 68, 32, который в житии Евдоксии не играет вообще никакой роли. Кроме того, в нем нет и следа того отчаяния, которое проявляется в «Апокалипсисе Псевдо-Мефодия». То, что связывает это житие с псевдо-мефодиевским и другими аналогичными текстами, — это общеапокалиптический фон и чувство общей принадлежности к христианскому миру, чьим гарантом является Византия.

тике и научной библиографии см.: *Podskalsky G. Byzantinische Reicheschatologie. München, 1972, S. 53—56.* К приведенной автором литературе нужно добавить следующие работы: *Alexander J. P. Byzantium and the Migration of Literary Works and Motives: The Legend of the Last Roman Emperor. — Medievialia et Humanistica, N. S., 1971, 2, p. 47—68; Александр П. Псевдо-Мефодий и Эфиопия. — В кн.: Античная древность и средние века. Свердловск, 1973, 10, с. 21—27; Wortley J. The Literature of Catastrophe. — Byzantine Studies / Etudes Byzantines, 1977, 4, p. 1—17; Библиографические сведения об Апокалипсисах см.: Berger K. Die griechische Daniel-Diegesse. Leiden, 1976, S. XI—XXIII; Shahid I. The Kebra Nagast in the Light of Recent Research. — Le Muséon, 1976, 89, p. 133—178; Podskalsky G. — In: BZ, 1974, 67, S. 351—358; Idem. — In: Archiv für Kulturgeschichte, 1975, 57, S. 71—86; Brandes W. — In: Klio, 1982, 64, S. 619 f.*

¹² Am. Hist. Rev., 1968, 73, p. 1006.

¹³ Brock S. P. Syriac Sources for Seventh-Century History. — Byz. and Modern Greek Studies, 1976, 2, p. 17—36.

¹⁴ Eudoxia and the Holy Sepulchre. A Constantinian Legend in Coptic. Mailand, 1980 (Test e Documenti per lo studio dell' antichità LXVII). Первое издание: Rossi F. Transcrizione di tre manoscritti copti del Museo Egizio di Torino con traduzione italiana. — Mem. della R. Acc. Sc. di Torino, 1886, II, 37, p. 84—115.

Итак, нам придется отказаться от однозначных суждений предшествующих поколений исследователей и исходить из того, что отношение коптских монофиситов к Византии было гораздо более дифференцированным, чем принято было полагать до сих пор. Указаний на это много и в давно известных источниках, однако они не принимались достаточно всерьез. Я приведу в качестве примера Иоанна Никиусского, из чьего сочинения видно, насколько по-разному отнеслись египтяне к арабам: «Итак, Египет был поработен Сатаной. Великий раскол произошел между жителями Нижнего Египта, и они разделились на две части. Одни из них были на стороне Феодора, другие же хотели присоединиться к мусульманам. И вот одна партия (часть) поднялась против другой, и они разорвали их владения и сожгли их город. Но мусульмане все же не доверяли им»¹⁵. Изданная Б. Эветтсом «История патриархов» называет епископов, оставшихся мелькитами и сохранивших верность Византии. Эти же имена подтверждаются коптской гомилией на брак в Кане Галилейской¹⁶.

В. Х. К. Френд заканчивает свою книгу «Подъем монофиситского движения» такими словами: «Приняв „измаилитов“ как божье орудие, призванное покарать халкидонян, монофиситы обрели не свободу, а гибель»¹⁷. Эта фраза, конечно, эффектная, но недостаточно обоснована.

2. Одна из заметнейших фигур в Египте середины VII в. — это монофиситский патриарх Вениамин (626—665)¹⁸. Его гомилия на брак в Кане и «История патриархов», в которую включено «Житие Вениамина», происходящее из круга, близкого к этому патриарху¹⁹, проникнуты резко антихалкидонским и потому антивизантийским духом.

В качестве главного противника Вениамина здесь выступает мелькитский патриарх Кир (631—644)²⁰. В гомилиии перечислены подряд все великие еретики и противники монофиситства: Арий, Несторий, Македоний I Константинопольский, Лев I Римский, Ивас Эдесский, Феодор Мопсуэстийский, Феодорит Киррский, Леонтий, Юлиан Галикарнасский, Григорий Каппадокийский. И заканчивается список так: «И этот, недо-

¹⁵ CXXIX, 1. Пер. см.: Charles R. H. The Chronicle of John Bishop of Nikiou. L., 1916, p. 189.

¹⁶ History of the Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria. II. Peter I to Benjamin I (661) / Arabic text ed., transl. and annot. by B. Evetts. P., 1904 (далее: Evetts), p. 491 sq. Здесь названы Кир Никийский, Виктор Фаюмский и другие епископы вплоть до Антиоя (Фиваида I). В гомилиии упоминаются Виктор Фаюмский и Мелитий Ликополитанский (Фиваида I). См.: Die Homilie über die Hochzeit zu Kana und weitere Schriften des Patriarchen Benjamin I. von Alexandria / Hrsg., übers. und beschrieb. von C. Detlef G. Müller. — Abh. Heidelberg: Akad., phil.-hist. Kl., 1. Heidelberg, 1968 (далее: Müller), S. 84.

¹⁷ Friend W. H. C. The Rise of the Monophysite Movement. Cambridge, 1972, p. 359.

¹⁸ О различных попытках датировать правление Вениамина см.: Coquin R.-G. Livre de la consécration du sanctuaire de Benjamin / Introd., éd., trad. et annot. Le Caire, 1975 (Bibliothèque d'Etudes Coptes 13), p. 57—59.

¹⁹ См. об этом: Byzantinoslavica, 1979, 40, S. 161, Anm. 2 und 173; White Hugh G. Evelyn. The Monasteries of the Wadi'n Natrun. N. Y., 1926, I, p. 127—131; Brakmann H. Zum Pariser Fragment angeblich des koptischen Patriarchen Agathon. Ein neues Blatt der Vita Benjamins I. — Le Muséon, 1980, 93, p. 299—309 (важнейшая работа по вопросу о достоверности всей коптской традиции, касающейся Вениамина).

²⁰ В арабских источниках говорится о некоем аль-Мукавказе, которого исследователи обычно отождествляют с Киром. Ср.: Grohmann A. — In: Enzyklopädie des Islam. Leiden; Leipzig, 1936, III, p. 769—772; Butler A. J. The Arab Conquest of Egypt and the Last Thirty Years of the Roman Dominion. Oxford, 1902, p. 508—528. (2. Aufl. / Hrsg. v. P. M. Fraser. Oxford, 1978); Cauwenbergh P. van. Etude sur les moines d'Egypte depuis le concile de Chalcedoine (451) jusqu'à l'invasion arabe (640). Paris; Löwen, 1914, p. 91—109; Maspero J. Histoire des Patriarches d'Alexandrie depuis la mort de l'empereur Anastase jusqu'à la réconciliation des églises jacobites (518—616). P., 1923, p. 353; Littmann E. — In: ZDMG, 1955, 105, S. 287f.; Alcock A. Cyrus the Mukaukas and Melkite Patriarch of Alexandria: Un trafiquant de chair blanche? — Le Muséon, 1973, 86, p. 73 sq.; Byz., 1974, 44, p. 388 (Anne S. Proudfoot zu den Quellen über Kyros); van Dieten J. L. Geschichte der Patriarchen von Sergios I. bis Johannes VI. (610—745). Amsterdam, 1972 passim (Кир как теолог).

стойный даже и того, чтобы упоминать его имя, навлекший великое зло на церковь, Кир Беззаконный, запятнавший себя позором во всех своих делах». Далее следуют имена Виктора и Мелития. «Разве все это не те самые иудеи, которые были изгнаны со свадьбы, так как не надели свадебной одежды?» И в другом месте: «Это случилось тогда, когда бог избавил нас от страданий, обрушившихся на нас из-за преступника Кира»²¹.

В переведенном Кокеном коптском посвящении, текст которого близок к арабской «Истории патриархов», сказано: «Благодарю тебя, господи Иисусе Христе, что освободил ты душу мою из рук тирана, дракона, отступника, преследовавшего меня за православную веру». И далее: «Агафон, мой пресвитер, пострадал вместе со мною за веру во время испытаний, когда кавказец Кир, враг всякой истины, преследовал меня»²².

В арабской «Истории патриархов» Кир именуется даже патриархом и августалом²³: «Когда он (Иракий) овладел страной, он поставил в каждой местности правителя и в Египет послал правителем Кира, чтобы тот был одновременно и патриархом и правителем». И в другом месте: «Когда Амр взял город и навел в нем порядок, испугался неверный правитель Александрии, который был там и патриархом, и правителем от Византии, что Амр убьет его»²⁴.

Собщения «Жития Вениамина» в той же «Истории патриархов» внушают недоверие, поскольку они слишком общи и не указывают ни на одну из черт, характерных для Египта этого периода. Египет представлен здесь как административное целое, управляемое Иракием и Киrom. Известный Санутий (Шенуте), дука и августал Фиваиды, характеризуется неясно, как человек, ответственный за весь Египет.

К сожалению, период истории Египта после ухода персов и до арабского завоевания очень плохо освещен в источниках. В сочинении Иоанна Никиусского здесь большой пропуск. К тому же сохранилось мало законов того времени, а специально египетских и вовсе нет, так что в выводах следует соблюдать осторожность.

В прошлом году Иоанн Конидарес подготовил критическое издание и комментарий четырех Новелл Иракия, одна из которых, «Γενικός νόμος» 629 г., интересна для нас. В ней заново подтверждаются судебные привилегии клириков и монахов. Ни гражданские, ни военные чиновники не имеют права судить их. Отсюда следует, во-первых, что гражданско-военная область, с одной стороны, и клир-монашество — с другой, остаются строго разделенными, как это установилось в Византии уже издавна. Второй вывод Конидареса таков: «Иракий, в сущности, только подтвер-

²¹ Müller, S. 82, 84, 132.

²² Coquin R. G. Op. cit., p. 109, 111.

²³ Эти сведения перешли также и в арабские источники; так, например, Петр ибн-Рагиб (Chronicon orientale/Ed. P. L. Cheikho. — CSCO, Script. arab., III, 1. P. 1903, p. 129) сообщает: «Кира он назначил патриархом и одновременно правителем». Они же перекочевали и в современные книги; отрывок из книги «Церковь в ее истории» я уже цитировал; Г.-Г. Бек (Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich, München, 1959, S. 431) пишет: «Он был назначен патриархом Александрии, в которой правил также и как императорский префект». В «Энциклопедии ислама» (2. Aufl. Leiden, 1979, V, s. v. Kibt) Азиз С. Аггия пишет следующее: «Император Иракий... в 631 году назначил Кира... префектом, военачальником и патриархом всего Египта, чтобы обеспечить политическое и религиозное единство и облегчить управление этой беспокойной частью империи».

²⁴ «История патриархов» издана Эветтсом (см. выше, примеч. 16). Что касается предыдущего издания (Seybold C. F. Severus ibn al-Mugaffa. Alexandrinische Patriarchengeschichte von S. Marcus bis Michael I. 61—767. Hamburg 1912), сделанного по древнейшей Гамбургской рукописи 1266 г., то П. Нагель и У. Петрушка сообщили мне, что этот текст «содержит много диалектных вставок, представляющих интерес только для арабистов. Правда, этот текст несколько более подробный», однако не в интересующих нас пассажах. Он не лучше, хотя и древнее того, который издан Эветтсом. Я благодарю обоих своих коллег за помощь. Приведенный мной перевод сделан У. Петрушка по изданию Эветтса (с. 489 и 495).

дил законодательные меры, принятые в защиту церкви Юстинианом, лишь в редких случаях расширив их. . . Применительно к изданным нами Новеллам также нельзя говорить о каких бы то ни было реформах этого императора»²⁵.

Следовательно, маловероятно также и то, чтобы Ираклий мог отменить 149-ю Новеллу Юстина II, изданную в 569 г. В ее первом параграфе сказано, что «ἐπίσκοποι», «κτῆτορες» и «οἰκῆτορες» каждой епархии должны иметь преимущественное право выбора и назначения правителя²⁶. Если бы Ираклий отменил этот закон, он совершил бы грубейшую ошибку, восстановив против себя весь клир и крупных землевладельцев. Но Ираклий стремился как раз к обратному — к компромиссу и союзу с монофиситами. А подобный образ действий настроил бы против него как раз провизантийскую часть египетского клира и знати.

В XIII Эдикте Юстиниана I, изданном около 538 г., формы управления Египтом определены достаточно точно; Эдикт этот, о чем свидетельствует, в частности, Иоанн Никитуский, не отменялся вплоть до конца византийского владычества. Эдикт, правда, сохранился не полностью, но превосходно интерпретирован М. Гельцером²⁷. Для нас здесь очень важны два момента. Во-первых, страна была разделена на четыре диоцеза: Египет I, II; Августамника I, II; Аркадия; Фиваида I, II²⁸. Титул августала могли носить правители Египта и Фиваиды. Все четыре наместника подчинялись префекту претория Востока. Тем самым была существенно ограничена власть прежнего александрийского августала, тем более что теперь он утрачивал также право распоряжаться правителем Ливийского лимеса. Так как же мог духовный владыка всего Египта — а архиепископ все еще олицетворял в Египте наследника фараонов — быть одновременно одним из многих наместников, ответственных только за свой небольшой диоцез, как мог он наравне с другими чиновниками подчиняться государственной субординации? Это заранее ограничивало бы влияние мелькитского архиепископа и сводило бы на нет всю церковную политику императора и Константинопольского патриарха в Египте. Все те, кто считает, что в руках Кира была соединена и церковная и государственная власть, исходят из ложной предпосылки, что августал Александрии распоряжался всем Египтом и носил такой титул только в Египте.

Во-вторых, XIII Эдикт приписывает обоим августалам (Египта и Фиваиды) «tam civilis iudicis potestas quam militum vis» («как право гражданского суда, так и военную власть»)²⁹. Часть Эдикта, где говорится о полномочиях двух других правителей, не сохранилась, однако естественно предположить, что они были такими же. Значит, Кир обладал в Египте I, II тройной властью. Но разве мог бы Ираклий, сам одаренный полководец, поручить военное управление такой сложной областью, как Египет, архиепископу? (Он встречался с Киrom в свое время в Лазике, но обсуждал с ним исключительно теологические вопросы³⁰). К тому же, согласно 2-й главе XIII Эдикта, Кир в этом случае должен был бы иметь звание «gloriosissimus et fortissimus Magister praesentialis et per Orientem».

²⁵ *Fontes Minores*, V/Hrsg. V. D. Simon. Frankfurt a. M., 1982, S. 106. Текст и перевод 4-й Новеллы — с. 85—95, комментарий к ней — с. 103—106. Такое представление об Ираклии подтверждают и новейшие исследования В. Е. Кери (см. примеч. 6), а также: *Two Studies in the Continuity of Late Roman and Byzantine Military Institutions. — Byzantinische Forschungen*, 1982, 8, S. 87—113.

²⁶ *CIC*, III, S. 724.

²⁷ *Gelzer M. Op. cit.*

²⁸ Значение реформы Юстиниана I представляется еще большим в свете следующего замечания Э. Хонигмана: «В эпоху Иерокла (т. е. 527/28 г.) провинция Египет еще не была разделена на две части (*Justinian. Nov. VIII. Notitia* § 35. 36. *Georg. Кург.*, v. 708, 730)» / *Ed. des Synekdomos des Hierokles. Bruxelles*, 1939, p. 45.

²⁹ *Cap. I. II, XII, XXIII (CIC, III, S. 780, 786, 792).*

³⁰ См. об этом: *van Dielen J. L. Op. cit.*, S. 29 f.; *Mansi*, XI, p. 560—563.

Из произведений самого Кира до нас дошли три письма к Константинопольскому патриарху Сергию и девять глав объединительного договора с феодосианами, заключенного в 633 г. на основе формулы «μία ἐνέργεια»³¹. По ним можно судить о Кире как о теологе и епископе. Греческие источники говорят о Кире тоже только как о епископе Александрийском³². Иоанн Никиусский называет его только «патриарх Кир»³³ или «Кир, халкидонский патриарх»³⁴. Пожалуй, только следующий отрывок (СХХ, 22) мог бы указывать на большие полномочия: «Впоследствии он (Иракий) назначил его (Ки́ра) во второй раз в город Александрию вместе со священниками, которые были с ним. Он дал ему власть и полномочия заключить мир с мусульманами, прекратив дальнейшее сопротивление им, и наладить административную систему, подходящую для управления Египтом. Сопровождал же его (Ки́ра) военачальник Константин, распорядившийся местными рекрутами»³⁵. Однако здесь идет речь о специальном полномочии для выполнения данной задачи (выше сообщается о том, что византийские начальники в Египте разделились на два лагеря). Кроме того, сам Кир не представляет здесь военную власть, так как его сопровождает генерал.

До вторжения персов августалом Египта был Никита; значит, Иракий разделил должность августала и чин патриарха. Из слов Иоанна Никиусского (СХI, 13; СХVI, 8 и СХХ, 11) ясно, что в последние годы жизни Иракия префекта Александрии, т. е. Египта I, II, звали Анастасием³⁶. Помимо него, называются по именам другие префекты и военачальники, в том числе с указанием географической принадлежности, такие, как Дарес из Самнуда (СХIII, 5), Доменциан из Фаюма, Никия, Александрии (СХII, СХIV, СХVI, СХVIII, СХIX, СХХ), Георгий из Калдзуба (т. е. Августамника II—СХIII, 2), Иоанн из Дамьетты и Александрии (СХIV, 9; СХXI, 5). Менас из Нижнего Египта (СХХ, 29; СХXI, 6), Филиад из Аркадии (Фаюм, СХIX). Отсюда мы узнаем по крайней мере, что управление Египтом делилось по-прежнему, только во главе местных военачальников³⁷ был поставлен верховный командир (Феодор)³⁸. Общая картина полностью противоречит представлению о том, что мелькитский патриарх и августал Египта — одно лицо. «История патриархов» Севера, на которой (а именно на «Житии Вениамина») базируется это представление, кажется по сравнению с живой непосредственностью сочинения Иоанна Никиусского вторичной, схематической и неисторичной. В ней можно найти, например, такие общие высказывания, как «Иракий и Колхиан правили страной Египтом»³⁹, или: Иракий преследует брата патриарха Вениамина (с. 491), назначает епископов (с. 492), собирает войска (с. 493), хотя известно, что император никогда не ступал на египетскую землю.

³¹ Clavis Patrum Graecorum, III / Cura et studia M. Geerard. Turnhout, 1979, N 7610—7612, 7613. Ср.: van Dieten J. L. Op. cit., S. 29 f.

³² *Theophanis Chronographia* / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883, p. 330, 8 f.; 338, 13: 416, 15); *Nikephoros. Chronographia* / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880, p. 24, 24; 26, 26; 29, 13 f). О зависимости греческих источников о возникновении монофелитства от Анастасия Синаиты ср.: van Dieten J. L. Op. cit., S. 179—218.

³³ СХVI, 7, 10, 11, 14; СХХ, 5, 9, 12, 15, 17, 23, 25, 37.

³⁴ СХV, 9; СХХ, 1, 66.

³⁵ Charles R. H. Op. cit., p. 91.

³⁶ Ibid., p. 179: «Известия об этих событиях дошли до военачальника Феодосия и до Анастасия, которые находились тогда в двенадцати милях от Никии. И они немедленно отправились в крепость Вавилон и остались там...»; p. 185: «Затем он (император) приказал Феодору явиться к нему, а Анастасия оставить блюсти город Александрию» (в самом тексте эти два имени переставлены); p. 192: «До прибытия патриарха Ки́ра (после смерти Иракия) Георгий пользовался большим уважением правителя Анастасия».

³⁷ Афанасий (СХХIII, 9), Экклесиарий (СIX, 23), Иоанн (СХI; СХVI, 1; СХХ, 13), Константин (СХХ, 22), Менас (СХIX; СХХ, 10), Стефан (СХVIII, 11, 13), Феодор (СХХ, 50), Феодосий (СХI, 9, 13), Валентин (СХХ).

³⁸ СХI, 14; СХII, 1; СХIV, 2; СХVI, 8; СХVIII, 11; СХIX; СХХ; СХXI, 5.

³⁹ *Evetts*, p. 491; см. также p. 493.

Таким образом, соединение патриарха и августала в лице Кира не подтверждается сохранившимися от того времени источниками и представляется нам неисторичным.

Как могла произойти такая ошибка? Ответ на этот вопрос помогает найти Р.-Г. Кокен. Он отстаивает гипотезу, что текст об освящении храма Вениамина, изданный Форгетом, происходит из Нижнего Египта, а изданная им самим редакция этого текста по Cod. Luxor., fol 139b—140b — из Верхнего Египта. В этой второй редакции имеется вставка, отсутствующая в нижеегипетском тексте: «Мусульмане стали хозяевами; что касается Мукавкиса, то он был отравлен ядом и умер; он исповедовал халкедонскую веру и был назначен префектом и патриархом Египта»⁴⁰. Если принять гипотезу Кокена, что эта традиция идет из Верхнего Египта, а в Нижнем Египте она в то время либо не была известна, либо не принималась всерьез, то данное сообщение сразу обесценивается. Сложная ситуация, сложившаяся в Нижнем Египте к концу византийского владычества, не могла быть правильно понята в Верхнем Египте. Впрочем, эту вставку можно истолковать и просто как вымысел в целях диффамации.

3. Из трех значительных политических сил в византийском Египте — византийская администрация, клир-монашество, коптская знать — деятельность первых двух сравнительно полно овещена в источниках VII в. Клер и монашество делились по отношению к Византии на враждующие группировки. Как уже говорилось, одной из ключевых фигур антивизантийского направления был монофиситский патриарх Вениамин.

Свидетельства источников о третьей политической силе для VI в. довольно многочисленны⁴¹, с VII в. дело обстоит гораздо хуже, за исключением тех случаев, когда речь идет о византийских чиновниках. Что знаем мы о политической роли и о настроениях знати в период от победы над персами и до арабского завоевания?

Основной материал дает нам сочинение Иоанна Никиусского. Из перечисленных выше правителей и начальников многих можно уже по одному имени идентифицировать как коптов. Все они находились на византийской службе. О сложности их отношения к Византии свидетельствует, например, следующий отрывок (СХIV, 6): «В эти дни (войны с арабами) полководец Феодор отправился к Каладжи и увещевал его такою речью: „Вернись к нам, вернись на сторону Рима“. И Каладжи, боясь, что они предадут смерти его мать и жену, находящихся в Александрии, дал Феодору большую сумму денег. И Феодор убедил Каладжи, и тот поднялся среди ночи, когда мусульмане спали, и пешком вместе со своими людьми пришел к полководцу Феодору. Затем он отправился в город Никий и соединился с Доменцианом (правителем Аркадии), чтобы воевать против мусульман. А после этого Сабендис придумал хитроумный план и также ночью ускользнул из рук мусульман. Он направился в Дамиегту к префекту Иоанну. И он послал его в Александрию с письмом... в котором признавал перед правителями свою вину со слезами и раскаянием в таких выражениях: „Я совершил этот проступок из-за позора, которым покрыл меня Иоанн, невзирая на мой преклонный возраст. По этой-то причине я и присоединился к мусульманам. До этого же я был ревностным слугою римлян“»⁴². Другие источники ничего не сообщают об этих двух сотрудничавших с арабами коптах. Ясно, во всяком случае, что оба они

⁴⁰ Coquin R. G. Op. cit., p. 30. Упоминание о том, что Кир соединял достоинство патриарха с чином августала, вместе с сообщением о его самоубийстве имеется также и в арабской «Истории патриархов» (Evetts, p. 495).

⁴¹ О крупном землевладении см.: Hardy E. R. The large estates of Byzantine Egypt. N. Y., 1934; *Idem.* — DOP, 1968, 22, p. 28 f.; Mac Lennan H. Oxyrynchus. Princeton, 1935; ND — Amsterdam, 1968, p. 63—82; Rouillard G. La vie rurale dans l'Empire byzantin. P., 1953, p. 13—65; Jones A. H. M. Census Records of the Later Roman Empire. — ZPE, 1975, 17, p. 237—250; Gascon J. La possession du sol, la cité et l'Etat à l'époque protobyzantine et particulièrement en Egypte. Diss. Caen, 1975.

⁴² Пер. см.: Charles R. II. Op. cit., p. 183.

были облечены властью и что, следовательно, коптская верхушка обнаруживала готовность к сотрудничеству с врагами Византии, хотя, может быть, как в данных обоих случаях, не столько по убеждению, сколько из оппортунизма.

Иоанн сообщает нам еще об одном знатном копте, перешедшем на арабскую службу, — его назначил правителем уже Ираклий, и о двух других, чье прошлое нам и вовсе неизвестно. Для нас здесь интересна резко негативная оценка, даваемая этим представителям коптской верхушки. «Был там человек по имени Менас, которого император Ираклий назначил префектом Нижнего Египта. Это был человек наглый, необразованный и исполненный глубокой ненависти к египтянам. После того как мусульмане овладели всей страной, они восстановили его в прежней должности. А человека по имени Синода они назначили префектом провинции Риф, другого же, по имени Филоксен, — префектом провинции Аркадия, т. е. Фаюма. Эти люди, все трое, любили язычников и ненавидели христиан» (СХХ, 29, 30) ⁴³.

О столкновениях городских цирковых партий Иоанн сообщал еще в рассказе о правлении Фоки, хотя мотивы и направленность столкновений выявлялись там недостаточно ясно.⁴⁴ В одном месте, правда, говорится о враждебности партий к византийцам: «Менас, возглавлявший Зеленую факцию, и Косма, сын Самуила, предводитель Синих, осадили город Миср и беспокоили ромеев в течение всего времени [владычества] мусульман» (СХVIII) ⁴⁵.

В «Житии Вениамина» из «Истории патриархов» упоминается некий правитель Санутий, который сотрудничает с арабами и покровительствует патриарху Вениамину: «Но Санутий, правоверный правитель, рассказал Амру о положении этого воинствующего отца, патриарха Вениамина, о том, как он бежал от ромеев из страха перед ними» ⁴⁶. Его следует, по видимому, отождествить с правителем и августалом Фиваиды Шенути, который упомянут в гомилии на бракосочетание в Кане. Там приводится письмо Вениамина «к боголюбивому правителю Шенути в Антиное». У нас нет никаких оснований считать это письмо неподлинным. В нем патриарх сообщает правителю, что, инспектируя духовенство, он наткнулся на двух пресвитеров, приверженных к манихеизму. Согласно положению церковного права он велел заковать их и с обвинением в манихеизме доставить к правителю. «Ибо для нас необходимо (*ἀνάγκη*), чтобы твое боголюбие вынесло свой приговор относительно случившегося». Определить наказание и привести его в исполнение мог только правитель. Вениамин, таким образом, повел себя совершенно корректно. В соответствии с этим звучит и его заключительная фраза: «Итак, престол евангелиста Марка повелевает теперь тебе, о боголюбивый, поступить с ними по твоей мудрости» ⁴⁷. В полном согласии с византийским законодательством церковный суд отделен здесь от государственного. Сообщение о Шенути и другие подобные эпизоды «Истории патриархов» показывают также, что византийские правители отнюдь не собирались уступать монофиситскому архиепископу больше власти, чем того требовала необходимость.

⁴³ Ibid., p. 194 sq.

⁴⁴ Отсюда — наличие множества гипотез. См.: *Stratos A. N. Byzantium in the Seventh Century*. Amsterdam, 1968, I, p. 83 f., 111 f.; *Cameron A. Circus Factions*. Oxford, 1976, p. 198 f., 213 f., 283 f.; *Pareti L. Verdi e Azzurri ai tempi di Foca e due iscrizioni inedite di Oxyrinchos*. — *Studi italiani di filologia classica*, 1912, 19, p. 305—315; *Janssens J.* — In: *Byz.*, 1936, 11, S. 514 f., 526—529, 531 f.; *Christophilopulu A. Noi ektos tes Konstantinupoleos byzantinoi demoi*. — In: *Charisterion eis Anastasion K. Orlandou*. Athen, 1964, II, p. 328—360; *Jarry J. Cosmas, fils de Samuel, et les dernières décades de l'Égypte byzantine*. — BIFAO, 1974, 74, p. 85—94; ср.: *Janssens, Jarry*. — In: *Byzantinoslavica*, 1979, 40, S. 164 f.

⁴⁵ *Charles R. H.* Op. cit., p. 187 sq.

⁴⁶ *Evetts*, p. 495, 496: Санутий выступает посредником между Вениамином и Амром; p. 498: «христолобивый правитель Санутий» сражается вместе с войском Амра против византийцев»; p. 500: Санутий дает Вениамину много денег на постройку храма св. Марка в Александрии.

⁴⁷ *Müller*, S. 174—186.

Точка зрения Мюллера, что Вениамин выступал «обычно также и как верховный судья своей „нации“», не подтверждается в источниках. Мюллер переводит текст, взятый Е. Амелину в *Journal Asiatique* (Р., 1888, ser. VIII, t. 12, p. 371—378), и замечает по этому поводу следующее: «В одной нижнеегипетской деревне... Вениамин наказывает даже смертной казнию... убийцу и грабителя, строителя Фелия в присутствии двоих соседних епископов»⁴⁸.

Однако этот текст описывает вовсе не судебное разбирательство. Здесь идет речь о моральном осуждении, за которым следует чудо. Вениамин возносит мольбы, прибегая к библейским образам, об уничтожении Филии и дома его, и молитва его услышана богом и исполняется. Таким образом, это наставительное повествование о чуде, а не сообщение о судебном акте, который никак не входил в компетенцию Вениамина. Даже после ухода византийцев его полномочия в этой области оставались столь же ограниченными — теперь со стороны коптской знати, сотрудничавшей с арабами.

Это сотрудничество с врагами Византии — определяющая черта деятельности Вениамина. Согласно «Истории патриархов», сам он происходит из богатого сословия и получил духовное образование в монастыре: «Этот брат Вениамин происходил из аль-Бухайры и пришел из деревни, известной под именем Баршут. Он возжелал монашества... и отрекся от своих родителей и от всего, что они имели, ибо они были очень богаты»⁴⁹. Правда, подобное сообщение могло быть просто агиографическим топосом, подчеркивающим значительность и твердость принятого решения; однако можно было употребить и другие, не менее распространенные топосы, как бедность семьи или ее особенная набожность и др. К тому же указание на происхождение из богатого сословия не нужно для дальнейшего рассказа. То, что в житии подчеркивается богатство семьи, само по себе есть ясное свидетельство о круге Вениамина и о той духовной среде, из которой это житие происходит. Впрочем, я должен предостеречь против того, чтобы придавать отдельным высказываниям слишком большое значение; например, словам «он отрекся от своих родителей и от всего, что они имели». Как монах, он в любом случае должен был прервать связь с родителями. Но от монаха требовалось только прекращение отношений, а не отречение.

Не следует отвергать как заведомо недостоверные сообщения о происхождении патриархов в «Истории патриархов». Они сильно отличаются друг от друга. Петр IV (576—578) был раньше монахом; о происхождении его мы не узнаем ничего⁵⁰. То же самое относится и к Дамиану (578—607), о котором сказано только, что он был образованным монахом⁵¹. Из другого источника мы знаем, что он происходил из Осроены и что брат его был префектом⁵². Анастасий Аподзигарий (607—619) был ученым священником из Александрии и тесно сотрудничал с высшими чиновниками и знатью города⁵³. Андроник (619—626) вышел из богатой семьи, принадлежавшей к самому влиятельному слою Александрии⁵⁴. О происхождении Агафона, преемника Вениамина, не говорится ничего.

Вопрос о происхождении Вениамина важен для нас потому, что ответ на него поможет решить более общую проблему: были ли причиной его антивизантийской деятельности в Верхнем Египте и непримиримой враждебности к Византии только его теологические убеждения и, может быть, отчасти уязвленное честолюбие, или Вениамин выступал здесь как представитель интересов коптской знати. Известные в настоящий момент источники не дают на этот счет никакого определенного ответа; однако

⁴⁸ *Ibid.*, S. 19. Пер. текста — с. 17, примеч. 2.

⁴⁹ *Evetts*, p. 487. Пер. У. Петрушка.

⁵⁰ *Evetts*, p. 470.

⁵¹ *Ibid.*, p. 471, 473.

⁵² Ср.: *Maspero J. Histoire des patriarches*, p. 278 sq.

⁵³ *Evetts*, p. 478.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 484.

именно то, что эта сторона обходится в источниках, показываёт, что наш вопрос правомерен.

В связи с этим интересно рассмотреть следующее сообщение: «Ираклий схватил блаженного Менаса, брата отца Вениамина — патриарха, и свершил великий суд над ним, и велел держать горящие факелы у боков его, так что жир тела сочился наружу и растекался по земле, и выбил зубы его, потому что он исповедовал веру; и, наконец, приказал наполнить песком мешок, и туда поместили святого Менаса и опустили в море. Ибо так приказал им Ираклий-безбожник, сказавший: „Того из них, кто признает истинность Халкидонского собора, отпускайте; но бросайте в море всех, кто назовет его ложным и ошибочным“. И они исполнили повеление своего повелителя и утопили Менаса в море. Ибо они взяли мешок, и отвезли его на расстояние семи полетов стрелы от берега, и сказали ему: „Скажи, что Халкидонский собор хорош, а не плох, и мы освободим тебя“. Но Менас не захотел сделать этого. И они повторили это ему трижды, и, когда он трижды отказался, они утопили его. Так они и не смогли покорить этого стойкого воина, Менаса, но он победил их христианским терпением»⁵⁵. Это изображение на самом деле вовсе не так конкретно, как оно хочет казаться. Главное действующее лицо здесь — Ираклий; но он никогда не был в Египте. Кто были исполнители его воли, не сказано. Мелькитский патриарх Кир не упомянут вовсе⁵⁶. Это также говорит о том, что здесь имело место не религиозное преступление. То, что подается здесь как основание для казни, противоречит истории. В эту эпоху шла речь уже не о халкидонском исповедании, но о признании посреднической теологической формулы, т. е. монэnergистского «*μία θεαδική ἐνέργεια*». Дебатировались девять положений объединительного документа от 3 июня 633 г.; они были опровергнуты Софронием Иерусалимским, и союз распался⁵⁷.

Далее, здесь сообщается о наказании посредством утопления в мешке за исповедание монофиситской веры. Действительно, еще с IV в. закон грозил смертной казнью еретикам, магам и колдунам⁵⁸. Эклога Льва III (17, 43, 52) говорит о смертной казни колдунов, манихеев и монтанистов⁵⁹. Однако смертная казнь за исповедание монофиситства никогда не упоминается ни в законах, ни в исторических сочинениях. Как раз наоборот, монофиситы стремились привлечь к ортодоксии и потому в теологической области все больше и больше шли им навстречу.

Сообщение об утоплении в мешке здесь, следовательно, неисторично. Оно нужно было для того, чтобы провести параллель между византийцами и языческими гонителями христиан: Менас убит своими противниками за исповедание христианской веры⁶⁰. Цель такого сообщения вполне очевидна. Составлено оно не грубо, не примитивно, очень тонко, что характерно для большинства свидетельств, дошедших до нас из круга Вениамина. Как заметил Д. Симон, «в Византии этот вид казни, по-видимому, вообще уже не применялся. В „Василиках“ соответствующие места

⁵⁵ *Evetts*, p. 491 sq. У. Петрушка переводит не «схватил» (seized), а «победил» (besiege).

⁵⁶ Антимонофиситские мероприятия (после распада союза в 633 г.) приписываются патриарху Киру Иоанном Никиусским (СХVI, 10, 14) и Михаилом Сирийцем (II, 411—413), который в остальном сообщает очень мало сведений о Египте.

⁵⁷ *van Dielen J. L.* Op. cit., S. 30 f.

⁵⁸ *Noethlichs K.-L.* Die gesetzgeberischen Maßnahmen der christlichen Kaiser des 4. Jh. gegen Häretiker, Heiden und Juden. Köln, 1971, Anm. 832, S. 122 f., 126, 138 f., 146, 194.

⁵⁹ Ср.: *Ecloga / Hrsg. v. L. Burgmann.* Frankfurt a. M., 1983, S. 240, 242; *Troianu N.* Но «*poinalios*» tu eklogadiu: symbolē eis tēn historian tēs exelixeōs tu poiniku dikaiu apo tu Corpus Iuris Civilis mechri tōn Basilikōn. Frankfurt a. M., 1980, S. 54—64, 116—118.

⁶⁰ О казни «*culeus*» см.: *Bukowska Gorgoni Chr.* Die Strafe des Säckens. Wahrheit und Legende. — In: *Forschungen zur Rechtsarchäologie und rechtlichen Volkskunde*, 1979, 2, S. 145—162.

выпущены (упоминание о ней в схождениях к „Василикам“, 60, 50, 5, показывает, на мой взгляд, что эта казнь стала уже баснословным воспоминанием)».

В сообщении Макрици говорится о казни на костре: «Ираклий был маронит, и когда он схватил Менаса, брата Вениамина, то из ненависти к яковитам велел его сжечь, а сам вернулся в Константинополь»⁶¹. Это свидетельство также не находит подтверждения в уложении о наказаниях того времени.

Если мы хотим признать за «мученичеством Менаса» хоть какое-нибудь историческое ядро, то прежде всего следовало бы подумать о государственной измене. За нее могла быть назначена смертная казнь⁶². Кроме того, государственная измена вполне вписывается в ту антивизантийскую линию, которую проводили Вениамин и, насколько позволяют нам судить источники, коптская верхушка в целом. Здесь перед нами открытая проблема, решить которую позволят только новые источники.

* * *

Мы уже установили раньше, что часть монофиситов в Сирии и Египте сохраняла верность Византии. Но во время арабского владычества она представляла перед ними в преображенном, эсхатологически-апокалиптическом виде. Точно так же и в Византии менялось представление о Египте. Еще в конце VI в. церковный историк Евагрий обнаруживает известную еще с античных времен предубежденность против александрийцев и египтян как *ὁ δῆμος ἐκεῖνος*⁶³. А в панегирике Марии Египетской, вышедшем из-под пера протасекрета Евфимия (X в.), мы находим совсем иное. Этот текст был издан Ф. Алькеном два года назад.

Здесь любопытна географическая ошибка: Египет описывается как страна, омываемая реками. Очевидно, его перепутали с Месопотамией: «Послушайте о Египте, о счастливейшей из всех стран мира, сияющей и знаменитой. Он великолепен и плодороден, богат и благословен для всякой надобности и наслаждения и радости человеческой. Его земля, и море, и реки, его окружающие, оспаривают друг у друга славу в отношении щедрости и благодатности»⁶⁴. С середины VII в. провинция Египет перестала существовать для Византии. Осталось только риторически украшенное воспоминание.

⁶¹ *Wüstenfeld F.* Macrizi's Geschichte der Kopten. Göttingen, 1845, S. 49.

⁶² Ср.: *Troianou N.* Op. cit., S. 10—12: о развитии законодательства применительно к этим случаям.

⁶³ *Hist. eccl.*, II, 8. Аналогичные высказывания можно найти еще у Полибия (XV, 30, 9; 33, 5—12). Ср.: *Wahlbank F. W.* A Historical Commentary on Polybius. Oxford, 1967, II, p. 491. Все римские предубеждения выражены у Тацита (*Hist.*, I, 11, 1).

⁶⁴ *Analecta Bollandiana*, 1981, 99, p. 23.